

Василюк Ф.Е.

ИСПОВЕДЬ И ПСИХОЛОГИЯ

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. Исповедь и психология [Текст] / Ф.Е. Василюк // Приход: православный экономический вестник. – 2007. – № 2. – С. 12 – 18.

Предлагаемая вниманию читателей статья подготовлена по материалам доклада автора "Исповедь и психотерапия" на Ежегодной конференции Сурожской епархии "Таинство покаяния" в мае 2000 г. Возможности использования достижений современной психологии при подготовке прихожан к исповеди рассматриваются с точки зрения православного ученого.

ИСПОВЕДЬ И ПСИХОЛОГИЯ

*Ф.Е. Василюк,
декан факультета психологического
консультирования Московского городского
психолого-педагогического университета*

Мы приглашены к соработничеству Тем, Кто сказал про Себя "Се творю все новое". Но не бежим ли мы от творчества и новизны, не подчиняем ли наше благочестие одному лишь испытанному правилу, долгу, духовному штампу? Готовы ли рисковать и пускать талант в оборот, сознавая, что прибыль не гарантирована и можно остаться ни с чем? Не надежней ли все-таки талант сберечь? Эти вопросы возникают во всяком деле – семейном, профессиональном, общественном, но в деле исповеди и покаяния они как нигде остры: здесь без личного творческого усилия ничего не совершится, здесь каждого из нас никто не может заменить и взять на себя хоть часть душевного труда.

Работая психологом, я ставлю перед собой вопрос: может ли опыт современной психологии и психотерапии чем-то помочь задаче формирования живого, творческого отношения к исповеди? Такова тема предлагаемых размышлений.

Покаяние – не отдельный акт, но целый путь ("И настави нас на **путь** покаяния", – молимся мы в Покаянном каноне). Смысл пути определяется целью. Конечная цель и смысл покаяния вовсе не плач, не сокрушение, не слезы, а радость примирения и встречи. Встреча эта происходит, конечно, отнюдь не потому, что мы такие опытные путешественники и сами достигли цели. Пройденный нами отрезок пути не

дает нам повода возгордиться нашими способностями, порой мы больше напоминаем не бывалого путешественника, а потерявшуюся мокрую, испуганную овцу, весь вклад которой во встречу с пастухом состоял в том, что она не забывала жалобно блять. Основной труд взял на себя пастух, но без этого бляния встреча могла не состояться.

Для человека, ищущего путь, самое опасное – не бездорожье, а ложные тропинки, очень похожие на настоящие. Отец Александр Шмеман назвал две такие ложные покаянные тропинки опасностью "юридизма" и опасностью "психологизма".

Человек склоняется к "юридизму", когда рассматривает покаяние по преимуществу дисциплинарно и считает поводом к нему нарушение нормы, закона. Наоборот, "психологизм" поводом к исповеди считает переживаемое душевное неблагополучие, тревогу, дискомфорт.

Для человека, ищущего путь, самое опасное – не бездорожье, а ложные тропинки, очень похожие на настоящие.

Юридизм склонен сводить грех к преступлению и видеть средство разрешения греха в наказании, а конечную цель – в восстановлении справедливости.

Психологизм хочет свести грех к вине, средство разрешения греха видит в оправдании, а конечную цель – в успокоении.

Юридизм склонен сводить грех к преступлению и видеть средство разрешения греха в наказании.

Как эти установки проявляются в нас во время исповеди? В первом случае покаяние превращается в рассудочный поиск расхождений своего поведения с параграфами морального кодекса. По форме это напоминает отчет. Само таинство начинает мыслиться по образцу судебного делопроизводства, где кающийся при подготовке к исповеди выступает как следователь, который должен к определенному сроку открыть достаточное количество преступлений, а уже в ходе исповеди – одновременно как обвиняемый и прокурор (а порой и как свидетель защиты, ищущий смягчающие обстоятельства). Священник при этом подталкивается к роли судьи или адвоката ("Я вот себя не щажу, батюшка должен это учесть").

Психологизм средство разрешения греха видит в оправдании, а конечную цель – в успокоении.

Но чем, собственно, такой образ покаяния плох? Тем, что он скользит по поверхности, не затрагивает сердечной глубины, не ищет корней греха, и оттого не происходит собственно метанойи – перемены ума, и раз за разом один и тот же душевный сорняк надоедливо вырастает на том же самом месте.

Эта "юридическая", формальная тенденция особенно угрожает захватить нашу исповедь, когда нет в душе живого покаянного чувства – она оцепенела, окаменела ("Покаяния несть во мне" "Не имам покаяния, не имам умиления, не имам слезы утешительныя"). Что мы можем противопоставить этой тенденции, чтобы углубить нашу исповедь?

Вот здесь нам может кое-что подсказать психология. Среди методов современной психотерапии есть прием, который называется "психотерапевтической майевтикой". Греческое слово "майевтика" означает родовспоможение. Сократ уподоблял свои философские беседы повивальному искусству, потому что не стремился в них сообщить готовую истину, а помогал собеседнику самому выносить и породить истину. В психотерапии смысл майевтического метода заключается в том, чтобы помочь человеку по-новому, свежим взглядом посмотреть на свои внутренние установки, которые всегда были для него слишком самоочевидными, чтобы в них можно было усомниться.

"Согрешил ложью, осуждением, раздражительностью..." – опять и опять повторяет человек на исповеди. Как остановить скользящее по поверхности сознание и дать ему возможность пойти внутрь? Можно попробовать провести с собой короткую майевтическую беседу. Самое важное в ней – дойти до различения внешнего повода и внутренней причины греха, например все той же раздражительности. Нерадивость моего подчиненного вполне может стать запалом для вспышки, но кто приготовил порох и держал его сухим, не я ли? Что есть во мне, что проявилось в этот раз во вспышке раздражения? Что это взорвалось – гордыня? зависть? властолюбие? мстительность? За "удобным", "нестыдным" для называния на исповеди грехом раздражения может открыться такое, что обожжет душу стыдом и вызовет искреннее отвращение ко греху, искренний молитвенный стон: "Господи, очисти!"

По русской пословице "Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше". Да так ли это, права ли пословица? Не наоборот ли? Это рыба ищет где лучше, а человек – где глубже. И когда нам удастся совершить усилие и от поверхностного "юридического" называния греха сделать шаг в глубь собственной души, то происходят следующие "перемены ума":

- во-первых, исповедь из безличной становится личной, моей;
- во-вторых, за поверхностью прегрешения открывается корень страсти;
- в-третьих, теплохладное отношение ко греху сменяется тем, что было названо обжигающим стыдом;
- и, наконец, самое важное – у нас появляется шанс за скорлупой греха, за напластованиями грязи встретить какой-то странно знакомый лик – нет, вовсе не "Троицу" Рублева, скорее картонную самодельную иконку, у которой есть только одно преимущество – это мы сами.

Вот – главное. Нам нужно от плоскости формальной исповеди углубляться и углубляться к корням греха не для того, чтобы испытать удовлетворенность геолога, открывающего все новые пласты нашей страстной натуры, не для того, чтобы испытать удовлетворенность детектива, раскрывающего разветвленную мафиозную сеть, а для того, чтобы пройти сквозь грех до самих себя. Ведь если мы солидарны с тем, что покаяние венчается радостью встречи, то суть его отнюдь не сокрушение, не очищение и не исправление – это все лишь средства. Главное же – чтобы проснулась наша личность. Иначе кто же будет встречаться с Господом?

Когда приходит дорогой гость, плохо, если он застанет нас в не до конца выметенном и убранном доме, но это гораздо лучше, чем прийти ему в чистый, но совершенно пустой дом.

Взглянем теперь на вторую ложную тропинку на пути покаяния. Как "психологизм" может проявляться в исповеди? Женщина жалуется: "Ну вот, исповедалась – и ничего, совершенно не полегчало". Конечно, чувство облегчения, освобождения от тяжести, от гнета греха может быть чудесным душевным следствием покаяния. Но в духовной жизни нельзя путать следствия с целью. Душа вообще не выносит по-солдатски прямолинейных предписаний. Если мы хотим испытать радость, нелепо отдать своей душе приказание: "Равняйся! Смирно! Радуйся!" Она не послушается. Давно замечено: чтобы достичь счастья, нельзя делать счастье целью, нужно стремиться к достойным целям – и тогда счастье может прийти как награда, как дар, всегда немного "нечаянно".

Так и в исповеди – чувство душевного облегчения не стоит делать целью, ждать его и именно его: а вдруг нам в этот раз приготовлен совсем другой дар – откроется трезвое и беспощадное видение всей жизни или вдохновение сделать то, что откладывали годами.

В исповеди психологизм проявляется в том, что мы начинаем слишком большое внимание уделять нашим эмоциям, обсуждаем конфликты, отношения с другими людьми, пытаемся "объяснить" грех, например, тем, что мы оказались в ситуации, где приходилось выбирать меньшее из зол и т. д. Вся эта "задушевная" беседа служит тому, чтобы уклониться от встречи с самим объективным грехом и с объективной ответственностью за грех и остаться с психологической тенью греха – с чувством вины. В этом есть мотивация избегания наказания: раз уж я признал свою вину, то что же меня наказывать – "повинную голову меч не сечет".

Главная опасность психологизма состоит в подмене греха чувством вины. Всю энергию человек направляет на обвинение себя, а потом и других. Обвинение себя вовсе не лучше обвинения других, потому что оно склонно само чувство вины превратить в страсть. Если бы понадобилось чувство вины изобразить графически, то это была бы закручи-

Главная опасность психологизма состоит в подмене греха чувством вины. Обвинение себя вовсе не лучше обвинения других, потому что оно склонно само чувство вины превратить в страсть.

вающаяся спираль, которая как бы обвиняет грех. В этом коварство: грех в своей грубой правде становится не виден, он скрыт внутри колец чувства вины. Подчиняясь этой страсти, человек становится угодливым, пассивным, он не смотрит в глаза и внешне это может напоминать смирение. Но он все дальше уходит от возможности распрямиться и шагнуть навстречу другому человеку и Богу.

И вновь мы возвращаемся к общей идее понимания смысла исповеди и покаяния как встречи. Культивирование страсти вины создает смертельную опасность покаяния без встречи. Это опасность Иуды. Он раскаялся, но не пошел навстречу, не совершил акт исповедания лицом к лицу. Оттого, может быть, в чувстве вины ощущается какой-то вирус самонаказания и в пределе – самоубийства.

Итак, тенденция психологизма может привести к исповеди без покаяния или к покаянию без исповеди, без встречи лицом к лицу. Исповедь без покаяния превращает таинство в душевную комфортную беседу о себе, а покаяние без исповеди грозит замыканием в чувстве вины, когда страшная, но целительная встреча подменяется душевным самоедством.

Исповедь без покаяния превращает таинство в душевную комфортную беседу о себе, а покаяние без исповеди грозит замыканием в чувстве вины.

Кроме того, психологизм пытается нам внушить, что грех – это нечто только внутреннее, только душевно-духовное состояние, а не что-то материальное, бытийное, объективное. А раз так, то главное – исповедаться, раскаяться, получить прощение, и дело покаяния на этом закончено. Представим такую картину. Расшалившийся мальчишка играет мячом, не

взирая на предупреждения взрослых, и, в конце концов, разбивает окно. Недовольство родителей – слезы – "я больше не буду" – прощение. Но после всего этого хороший отец возьмет инструменты и позовет сына вместе вставлять стекло.

"Бог мыслит вещами"*, мысль Бога – бытийна, онтологична. Если так, то верится, и прощение Бога – онтологично: отпуская грех, Он одновременно начинает работу по исцелению, восстановлению, исправлению нарушенного нашим грехом мира. Собственными силами мы чаще всего не можем ни склеить разбитого стекла, ни заменить его, но

* Флоренский П. А. Соч. в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 326.

стремиться к тому, чтобы хоть подержать гвоздь, пока отец вставляет новое стекло, – это наша обязанность. Обязанность? Да нет же – это радостный шанс сотрудничества с Самим Богом!

Разумеется, все это вполне очевидные вещи. И вопрос не в том, как понять, что покаяние венчается не душевным облегчением, а принесением плода. Вопрос в том, как это исполнить. Мы слишком хорошо знаем, что зерна нашего покаяния, беспечно брошенные при дороге, часто не успевают даже прорасти, их склевывают птицы.

С точки зрения психологии проблема воплощения, реализации результатов покаяния – это проблема не столько нашего безволия и нашей забывчивости, сколько установки. Понятие установки в психологии означает внутреннюю готовность действовать определенным образом. Психология знает: если человек попал в поле напряженной социально-психологической ситуации, он будет действовать чаще всего по логике сил этого поля, а не по логике своей свободной воли. Если не побояться неуместной рифмы, можно сказать: поле сильнее воли. Разумеется, для аскетики в этом нет ничего нового – святые отцы раз за разом предупреждают: не играй с грехом, удаляйся от искушения еще до того, как попадешь в зону его действия. Возможность остаться верным себе состоит не в том, чтобы ввязаться в ситуацию соблазна, а затем мужественно победить ее, а в том, чтобы избегать попадания в ситуацию. Если же это неизбежно, то нужно войти в ситуацию с внутренней интенсивной установкой – заранее развитой в себе решимостью действовать так-то и так-то – по совести. Установке нужно дать настояться, укрепиться, она должна быть по возможности конкретной, и тогда в сложную минуту она станет не просто мыслью, а силой, которая поможет устоять в свободе. Мы корим себя, что всякий раз нам не хватает героической воли, чтобы после исповеди удержаться в подвиге чистой жизни. Но, может быть, стоит принять менее возвышенный образ – не героя, а огородника, который получил в покаянных трудах несколько зерен и их нужно сохранить, укрыть, поливать и постепенно выращивать. Установка и дает нам такую возможность.

Установка – психологический орган, который объединяет внутреннее и внешнее, сознание и поведение. Создание духовной установки идет через объединение молитвы и деятельности. Но спросят: а как же именно добиваться этого объединения, что нужно для этого делать? Как формировать желательную установку?

Например, одним из результатов покаянного самоанализа могут быть простые обещания Богу и себе – попросить прощения у обиженного, навестить забытого, поблагодарить того, к кому мы оказались неблагодарны. Как сберечь от суеты и забывчивости эти маленькие обеты? У нас есть для этого чудесный духовный инструмент – молит-

венное правило. Почему бы, например, в число коротеньких молитвословий св. Иоанна Златоуста из молитв на сон грядущим не включить среди просьб об избавлении от вечных мук и кое-что попроще: "Господи, дай мне сил навестить Ирину Александровну", "Господи, дай решимости попросить прощения у Миши..." Пусть эти самодельные молитовки останутся на листочке в молитвослове до тех пор, пока дело не будет исполнено.

Может показаться странным, что психолог говорит об опасности психологизма. Но дело в том, что психологизм представляет собой опасность и внутри самой психологии и психотерапии, пытаясь подменить реальные задачи человеческой жизни виртуальными. Если человек на приеме у психотерапевта жалуется на опустошенность, то "психологизм" поставит вопрос так – как изменить само это душевное состояние. Живая смысловая психология поставит вопрос совсем иначе – как изменить жизнь, чтобы она стала наполненной, а уж душа сама откликнется радостью на эту наполненность.

Психология дает нам некоторые подсказки в двух вещах. Во-первых, каким образом освобождаться от поверхностного называния греха и от обволакивающего чувства вины, пробиваясь и пробиваясь вглубь, к корням и истокам греха, и еще дальше к ядру нашей личности, не затронутому грехом. Во-вторых, как потом выращивать плод покаяния в реальной повседневной жизни. И главное. Для того, чтобы ВСТРЕЧА могла состояться, нужно напоминать себе, что конечная задача покаяния – найти в себе не грех, а того, кто готов к встрече с Господом. И верится, что это нужно не только нам. Господь продолжает обращаться к своим ученикам с просьбой: "Побудьте здесь и бодрствуйте со Мною" (Мф. 26: 38).